

Они также не стилизации и уже тем более не пародии. В повестях Ч., независимо от времени их действия, разворачивается характерный романтический конфликт — схватка героя с судьбой, попытка человека освободиться от власти неведомых и чуждых ему сил, не подчинить свою жизнь их вмешательству. В десятилетие, когда создавались повести Ч., этот «романтический» конфликт приобрел новую и опасную оптимистическую актуальность.

Соч.: Венецианское зеркало: повести / вступ. статья и примеч. В. Б. Муравьева. М., 1989. (Из наследия).

Лит.: Муравьев В. Б. Творец московской гофманды // Чайнов А. В. Венецианское зеркало. М., 1989; Кабанов В. В. Александр Васильевич Чайнов // Вопр. истории. 1988. № 6; Кабанов В. В. Краткий биографический очерк [о Чайнове] // Чайнов А. В. Крестьянское хозяйство. Избранные труды. М., 1989; Балязин В. Н. Профессор Александр Чайнов. М., 1990.

О. И. Козлова

ЧЕКМАРЁВ Сергей Иванович [31.12.1909 (13.1.1910), Москва — 11.5.1933, Башкирия] — поэт.

Родился в семье зубного техника. Мать воспитывала помимо Ч. еще двух младших сестер и брата. В 5 лет, научившись читать, охладил к игрушкам и с книгой уже не расставался. Позднейшие увлечения шахматами и фотографией также не смогли вытеснить книгу. В 11 лет он начинает сочинять стихи, а через год, сначала один, а затем с сестрами и братом, приступает к изданию домашних рукописных ж. «Звезда», «Метеор» и «Телескоп». Ж. носили лит.-сатирический и науч.-популярный характер, иногда к ним подключался и отец, любивший и сам «побаловаться стишками». Здесь Ч. пробует себя в разных лит. жанрах — стихах, поэмах, сказках, сатирах. Затем в них появляется его публицистика, лит. критика, очерки. Рано научившись ценить худож. слово, он хочет видеть в нем не одну красоту созвучий, но разум и смысл. В школьные годы наряду с литературой он увлекается и математикой, считая их близкими сферами творчества.

В 1926 после окончания средней школы-девятилетки со специализацией по конторскому делу Ч., мечтая получить профессию инженера, подает заявление для поступления на механический ф-т Московского высшего технического училища им. Н. Э. Баумана (МВТУ). Все экзамены он выдерживает на «отлично», а за прекрасное знание математики даже удостоивается прозвища «Лоба-

чевский». Однако в приеме ему отказывают, т. к. преимущественным правом поступления пользовались рабфаковцы, многолетние кормильцы и члены профсоюза, а он был выходцем из семьи служащего. 3 года он сдает экзамены в разные вузы на «отлично», но все 3 года ему в приеме отказывают. Наконец, узнав, что в Воронежском сельскохозяйственном ин-те создана дополнительная группа, он посылает документы в Воронеж. К этому времени, окончательно потеряв надежду стать инженером, он сохраняет стремление получить все же нужную для страны специальность. С осени 1929 до лета 1930 Ч. живет в Воронеже и учится на животноводческом ф-те сельскохозяйственного ин-та. Сначала под Воронежем, а затем и на Урале во время летней студенческой практики, которая воспринимается им как боевое задание, Ч. агитирует крестьян вступать в колхозы, налаживает работу сельского комсомола, занимается с неграмотными крестьянами, выпускает стенгазету, участвует в военных учениях студенческих лагерей. Вся целеустремленная жизнь Ч. отражается в его многообразных лит. опытах — новеллах, очерках, лит. портретах, стихах. Новелла «Утонула собака», стих. «Где я? Что со мной?» и др. произведения уральского периода представляют собой сплав документалистики и поэзии.

В связи с ликвидацией ф-та в Воронеже Ч. переводится в Московский мясо-молочный ин-т. Здесь помимо разнообразных общественных обязанностей он с головой уходит в выпуск институтской многотиражки, которая оказалась единственной газ., где при жизни печатался Ч. Учеба и окружающая действительность связываются для него в одно неразрывное целое: «Меня / С нетерпением / Ждет страна, / Послать меня хочет / Туда, / Где плачет / Дискровая борона / И грузно / Идут стада». В школьные и студенческие годы Ч. является частым посетителем клуба писателей ФОСПа (Федерация объединений советских писателей), Политехнического музея и др. аудиторий, ставших ареной острой лит. борьбы. Самый яркий взлет поэтического мастерства Ч. наступает с приходом к нему в 22 года первой настоящей любви, рождается неповторимая любовная лирика. В 1932 по окончании ин-та Ч. уезжает на работу в Башкирию. В Уфе Ч. сначала работает инструктором совхоза, а затем получает должность зоотехника во вновь организованном, на базе Таналыкского, Баймакском совхозе. Драматически складывающиеся взаимоотношения с любимой женщиной рождают немало возвышенных, страстных поэтических

строк: «Она, любовь, с тобой у нас / Не распускалась розою, / Акацией не брызгала, / Сиренью не цвела. / Она шла рядом с самою / Обыкновенной прозою, / Она в курносом чайнике / Гнездо свое свила».

В нояб. 1932 Ч. неожиданно призывают в армию, но из-за плохого зрения он получает освобождение от службы. В ожидании поезда при возвращении в Уфу Ч. пишет одно из лучших своих произведений — лирическую поэму «**Размышления на станции Карталы**»: «Я знаю: я нужен степи до зарезу. / Здесь идут пятилетки года. / И если в поезд сейчас я влезу, / Что же со степью будет тогда? / <...> У меня никогда не хватит духу — / Ни сердце, ни совесть мне не велят — / Покинуть степь, гурты, Гнедуху. / И голубые глаза телят». В Уфе Ч. получает назначение в Инякский совхоз, находящийся в горной части республики: «Среди снежинок шелковых, / В нагроможденные скалы, / Я только здесь нашел себе, / Чего всю жизнь искал...» Трудности работы в совхозе, острые материальные затруднения Ч. по-прежнему не пугают. Здесь он даже стал издавать рукописный ж. «Буран». Однако семья его распадается: женщина, которую Ч. любил, покидает его. На следующий день после ее отъезда Ч. не стало. Его нашли мертвым при переезде через р. Большая Сурень. Телега, на которой он ехал, оказалась перевернутой. Обстоятельства его смерти остались невыясненными. Похоронили Ч. на окраине с. Исянгулово под одиноко растущей березой. Позднее у переезда через Большую Сурень поставлен был обелиск, а в селе воздвигнут бронзовый бюст поэта.

Только через двадцать с лишним лет после его смерти в ж. «Новый мир» (1956. № 1), на страницах газет и книг появилось никому не известное имя Ч. В лит-ру пришел новый поэт. Все им написанное пронизано чистотой, оптимизмом и свежестью; о стихах Ч. высоко отзывались К. Федин, Б. Агапов, Д. Олдридж. В поэзии Ч. привлекают цельное, жизнеутверждающее мировоззрение, лирический романтизм, высокая тема любви: «...расширьте глаза! Поднимите бровь! / Здесь написано про любовь!» В творчестве и лирике Ч. речь идет не только о любви к женщине, но и о любви к жизни, искусству, мечте, познанию, к Человеку, к вечным эстетическим ценностям бытия: «Всеми — даже нам с тобою — / Придет черед умереть. / И только красивой песне / Дано без конца звенеть».

Соч.: Избранная лирика / сост. С. Наровчатова. М., 1964; Стихи, письма, дневники / предисл., подгот. текста и сост. С. Ильичевой. М., 1968; Письма из Воронежа /

комм. М. Лукониной // Из дневников современников: сб. 2. М., 1969; Уральская весна: стихи, письма дневники / лит. композиция и подгот. текста С. Ильичевой. Уфа, 1979; Штурмовой квартал: Избранные письма, отрывки из дневников, стихи. Челябинск, 1980; Кубанев В. М., Чекмарев С. И. Стихи, дневники, письма. М., 1981; Размышления на станции Карталы: стихи // Время вперед!: сб. М., 1986.

Лит.: Огнев В. Ф. Поэзия и современность: сб. статей. М., 1961; Луконин М. К. Сергей Чекмарев: Жизнь, ставшая поэзией // Луконин М. Товарищ поэзия. М., 1963; Наровчатова С. Поэзия в движении: статьи. М., 1965; Панкин Б. Д. «Я полным человеком хочу быть...» // Панкин Б. Д. Время и слово: очерки. М. 1976; Ильичева С. И. В будущее устремленный // Чекмарев С. Была весна... Стихи, письма, дневники. М., 1978; Абдуллин А. Х. «Не забывая меня, солнце». Челябинск, 1988.

В. С. Федоров

ЧЕРВИНСКАЯ Лидия Давыдовна [1907 — 16.7.1988, Монморенси, Бельгия] — поэтесса.

О биографии Ч. сохранилось очень мало сведений. Во время Гражданской войны ее семья перебирается из России в Константинополь. Оттуда в 1922 Ч. переезжает в Париж, где связывает свою судьбу с беспорядочной жизнью монпарнасской богемы.

Во время войны Ч., судя по смутным свидетельствам в мемуарах и письмах современников, была связана с французским Сопротивлением, но в 1945 угодила в тюрьму по обвинению в предательстве и коллаборационизме: «Червинской поручили ответственное задание, посвятили в секрет, от которого за-

Л. Д. Червинская